

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ В 1941-1944 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ)

Лебедев Андрей Дмитриевич

Кандидат исторических наук, доцент. Доцент кафедры истории Беларуси

Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, г. Гомель, Беларусь

В советское время образ войны 1941-1945 гг. во многом был сформирован на базе тщательно подобранных официальных источников и военных мемуаров, прошедших через руки цензуры. В результате сформировалась предельно упрощенная «черно-белая» картина видения событий. Война виделась через призму простых понятий «мы» и «они». «Мы» или «наши» - это красноармейцы, партизаны, подпольщики. «Они» или враги - это немцы и предатели. Такой подход не позволял рассмотреть «полутона» и «оттенки» проблемы. Очевидно, что кроме двух противоборствующих сторон, непосредственно участвующих в конфликте, была еще как минимум и третья сила – это т.н. «стоящие в стороне» и живущие по принципу «моя хата с краю».

Простые крестьяне, зачастую полуграмотные, ментально чуждые как коммунистической, так и нацистской идеологии, имеющие перед собой одну единственную цель: выжить. Не победить в войне на чьей-либо стороне, а именно физически выжить. Повседневная жизнь гражданского населения, оказавшегося между Красной Армией и Вермахтом, как между молотом и наковальней и является темой нашего исследования.

Источниковая база исследования представляет собой материалы устных опросов, которые регулярно проводятся студентами и преподавателями Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины начиная с 2009 г. Регион, охваченный полевыми исследованиями, представляет преимущественно территорию современной Гомельской области Республики Беларусь, однако в коллекции интервью имеются материалы, записанные в Брестской, Могилевской областях РБ, а так же в смежных областях Украины и Российской Федерации. Всего в коллекции собрано более ста интервью, разного объема и степени информативности, зафиксированных на диктофон, либо записанных от руки.

Усредненный образ информанта – это пожилая белоруска, в возрасте около 85 лет (на момент проведения опроса), жительница сельской местности, разговаривающая на «трасянке» (смеси русского и белорусского языков), либо на местном диалекте белорусского языка. Большинство опрошенных пережили войну детьми либо подростками. Особую ценность представляют воспоминания о войне написанные непосредственными участниками собственноручно.

Безусловно война, в первую очередь это жестокость и смерть. Именно террор оккупантов по отношению к мирному населению наложил сильнейший отпечаток на людскую память (“...*Растрэльвалі тых, у каго родныя былі у парцізанах – пазбіраюць паставяць каля канвы і страляюць - каго убілі, каго не – усіх у канаву і закапваць*”; «...*оставляли на улице продукты (мешок сахара и*

др.), если кто-то пытался забрать - расстрел. Маленький мальчик, Адолик, поднял мешок конфет, за это ему отрубили правую руку») [1; 2].

Вспоминая события 1941-1944 гг. информанты описывают так же бытовую, повседневную сторону жизни. Это не только скудное питание, ветхая одежда, принудительный труд, но и атмосфера страха («...немцаў вельмі баяліся, яны ж усе з аружыем, страшныя, уцікалі хто куды, каб ім на глаза не папасіся. Хоць той немец і залаты, а баяліся, хаваліся, каб не бачыць дажа»; «... нимцы днём буллы, а партызаны вночы – нігдэ спокою ны було») [3; 4].

Так же бросается в глаза при анализе интервью – вынужденный, почти повседневный коллаборационизм. Местное население привлекалось для бытового обслуживания оккупантов («...женщинам немецкие солдаты давали свои вещи, белье, чтобы те их стирали, штопали, а за это давали либо хлеб, либо котелок с супом, маргарин, мыло») [5]. Во время строительных и инженерных работ («... немцы стали быстро строить переправу на том месте, где она была у них в 1941 году напротив теперешних **Золотых песков**. Начали заставлять всех старых и молодых копать окопы, окопы во весь рост. От берега реки было три линии окопов. В Луке были вырублены все деревца и кусты спалены. Образовалось чистое поле. Нашим войскам приходилось трудно наступать») [6]. Наконец для выполнения транспортной повинности («... я іх [немцев] на подводах у **Возераны** возіў. Воны прышлі до старосты, казалі штоб даў подводы, ну казалі я поехау, не откажешь же, я не одін поехаў, со мной буў мацеры брат. Довезлі іх до Сцвігі высаділі і воны нас адпусцілі і поехалі ... А тры разы у Лельчыцы падводаю немцаў возілі, стараста прыгадваў») [7].

Традиционные образы участников конфликта представляются противоречиво и неоднозначно. Например, «немец», с одной стороны, традиционно выступает как враг, несущий опасность, грабеж и смерть («...у вайну немцы забралі карову, свіней, курэй лавілі, усё падчысілі»; «...у Жлобине окола почты, круглыя такія вісельніца і вяроўка вісіць. Чуть правініўся – навесяць і няделю вісіць ... яны з людзей здекваліся») [3; 8].

С другой стороны, «немец» нередко фигурирует как «благодетель» с хрестоматийной конфетой для «киндера» или медикаментами для больного («...немцы давали хто хлеб, хто котелок с супом, конфеты, под Новый год даже бросали новогодние подарки»; «...когда брат заболел тифом, немец Кристиан приносил лекарства, посоветовал повесить на дом табличку, что в доме больной тифом, что бы его обходили») [5; 9].

Наконец немец – это доверчивый «недотепа», которого легко обмануть и провести («...немцы доверчивые, не знают где что можно спрятать, от них можно откупиться. От украинцев откупиться нельзя, от них ничего не спрячешь, находили все»; «...помню немцы расцілі свінню, здаровую такую вырасілі. А адзін раз прасыпаюцца – няма свінні, прапау «шпiк» і як яго зваравалі, як выцягнулі? Свіння дажа не піскнула. Во парапалоху было!») [2; 10].

Наиболее смелые белорусы пытались даже подшучивать над немцами («К канцу быу такі случай, адзін мужык спрасіў: «Пан, як там Масква?», дык той ад злосці чуць бараду не адарваў, поняў што іздзяваюцца») [10].

Совершенно нетипичными оккупантами выступают итальянцы: *«Итальянцы доброжелательные, веселые. Ходили по улицам, у них были музыкальные инструменты, могли под окном какой-либо девушки всю ночь петь песни»* [2].

Такой же противоречивый образ и у партизан. Понятно, что родственники участников сопротивления помогали партизанам и относились к ним положительно (*«...чем могли – помогали партизанам, которые были в лесу: собирали еду, отдавали теплую одежду, передавали кое-какие лекарства»*) [11]. Но значительная часть населения видела в «народных мстителях» повышенный источник опасности. Как минимум партизаны реквизировали продовольствие у крестьян (*«...партизаны приходили каждую ночь. И забирали еду, одежду, обувь. У папы были хромовые сапоги и брюки галифе. Они и это забрали»*) [12]. Как максимум партизаны могли спровоцировать оккупантов на карательные акции, что выливалось в сожжение целых деревень (*«...обычно немцы не трогали гражданское население до тех пор, пока не появились партизаны. С появлением партизан начались подрывы железнодорожных путей, водопроводов и других коммуникаций. Участились нападения не немецкие гарнизоны. В ответ на это немцы прочёсывали леса, деревни, ловили подозрительных лиц, поджигали дома, палили деревни»; «...как стало известно позже, немцы спалили Селец в отместку за то, что рядом была водокачка, и партизаны её подорвали»*) [13].

Образ красноармейца, воина освободителя так же далек от идеализированного героического облика, во многом сформированного советской пропагандой. По воспоминаниям населения, солдат РККА в 1943-1944 г. скорее вызывал чувство жалости и сострадания. Он был измучен непрерывными боями, голоден и неопрятно одет (*«...солдаты и офицеры были уставшие, изнемождённые», «...солдаты выглядели «вымучанными», «чорными». «...Беднянькіе ішли ў абмотках і батінкі, абмоткі як помню, і вот ідуць етыя салдаткі, вады хочуть»*) [14; 8].

Предварительные итоги проведенного исследования, позволяют говорить, что во время оккупации 1941-1944 гг. проявилась не только «советскость» белорусов и готовность воевать за коммунистический режим, но также проявилась и «тутэйшность» белорусов, многие из которых жили по принципу «моя хата с краю». Главной потребностью и идеей населения было удовлетворение минимальных потребностей в личной безопасности, еде и одежде. Для большинства белорусов идеология (нацистская или коммунистическая) была чужда и непонятна в принципе.

Литература

- 1 Домосканова Анна Семеновна 1934 г. р. Опрос 2011 г.
- 2 Корсакова (Миронова) Мария Николаевна 1930 г.р. Опрос 2009 г.
- 3 Кушнерова Ольга Никаноровна 1926 г.р. Опрос 2012 г.
- 4 Гринько (Колодич) Надежда Андреевна 1931 г.р. Опрос 2011 г.
- 5 Маевская Антонина Павловна 1936 г.р. Опрос 2010 г.

- 6 Лыженков И.П. 1925 г.р. Рукопись.
- 7 Трухоновец Николай Никифорович 1927 г.р. Опрос 2010 г.
- 8 Баранова (Циркунова) Нина Герасимовна 1930 г.р. Опрос 2012 г.
- 9 Шевцова Лидия Ивановна 1931 г.р. Опрос 2009 г.
- 10 Василенко Татьяна Алексеевна 1930 г.р. Опрос 2010 г.
- 11 Анонимно. Опрос 2011 г.
- 12 Сидорова Татьяна Ивановна 1931 г.р. Опрос 2009 г.
- 13 Ананьев Иван Васильевич. Опрос 2011 г.
- 14 Матвеевко Анна Михайловна 1936 г.р. Опрос 2010 г.

Краткая аннотация

В статье проанализированы материалы устных опросов непосредственных свидетелей немецкой оккупации Беларуси 1941 – 1944 гг. Показаны типичные и нетипичные стороны повседневной жизни населения, его отношения к основным участникам конфликта.

Опубликовано

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в исторической памяти народа: сборник научных статей / БрГТУ; редкол.: Н. П. Яловая (гл. ред.) [и др.]. - Брест: БрГТУ, 2020. С. 105-108.

